

Е. А. АГЕЕВА
(Москва)

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ
БЕЛОКРИНИЦКОЙ ИЕРАРХИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.
В ПЕРЕПИСКЕ ОБЩИН
БЕССАРАБИИ И МОСКОВСКОГО
РОГОЖСКОГО КЛАДБИЩА¹**

*«Блажени милостивии, яко
тии помиловани будут» (Мф. 5:7)?*

Традиционная культура старообрядчества представляет собой сложную и многофункциональную систему. Значительное место в ней занимает благотворительность. В конце XIX — начале XX в. значение ее для сохранения исторического и духовного наследия последователей старой веры стало особенно важным. Связано это было не только с активизацией разного рода общественных процессов, но и значительным социокультурным расслоением старообрядчества. Начало XX столетия относят к «золотому» веку староверия. Это справедливо, прежде всего, в отношении общественной активности и роста старообрядческих сообществ, а также издательской деятельности. В то же время, как показывают источники, с трудом налаживалось развитие школьного образования, без которого была невозможна дальнейшая жизнь традиции, многие общины едва преодолевали тяготы выживания. К таким сложным и наиболее требующим поддержки старообрядческим центрам относилась и Бессарабия, что нашло отражение в переписке с московской Архиепископией. Известная и влиятельная Московская старообрядческая община Рогожского кладбища (МСОРК) была средоточием

всей старообрядческой жизни и заботилась не только о российских последователях старой веры, но оказывала помощь зарубежным центрам. Конечно, в основе лежала не только необходимость расширения и закрепления духовного авторитета, но и глубоко укорененная в старообрядчестве традиция благотворительности по отношению к слабым и немощным.

Благотворителями часто выступали отдельные представители МСОРК, к их числу относился знаменитый деятель старообрядчества Иван Иванович Шебаев³, которого иерей Евфимий Мельников — отец известного историкографа Ф. Е. Мельникова — определял как «почтенного, славного и великого человека, уважаемого всем нашим благочестивым народом» [РГБ, к. 185, д. 3, л. 14 об]. В числе прочих его неустанными заботами был окружен Петропавловский монастырь «при Чёрном море» близ посада Вилкова, о чем свидетельствует письмо его игумена Галактиона Степанова, написанное по образцам древнерусских прошений: *«Боголюбвейший и всемилостивейший благодетель Иван Иванович! Со всем благочестивым семейством Вашим! Благодать и мир Божий, помощь и заступление Божией матери и молитвы святых отец да будут с Вами.*

Братство Петропавловского монастыря поздравляет Вас со святою четырьдесятиницей и всепокорнейше просит Вас, боголюбвейший благодетель Иван Иванович, Христа ради, соблаговолите пожертвовать нам убогим, что дух Святой возвестит христороливой душе вашей, нашей убогой братии, на пищу и на одежду и на прочие монастырские потребности, ибо наш монастырь на необитаемом острове: пропитания никакого не имеем, живём святою милостынею и не имеем ни малейшего утешения, кроме единого всецедрого Господа Бога. В нашем монастыре братии 50 человек: иноки и бельцы, два священноинока. Совершается повседневно бескровное жертвоприношение о здравии Вашем и благотворителях ко святой обители нашей. А также молимся

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06—01—02065а.

² Эпиграф из письма иноков Петропавловского монастыря [РГБ, ф. 246, к. 185, д. 3, л. 130].

³ Шебаев Иван Иванович (1830—1908), о нем см.: [Церковь 1908; Юхименко 2005, 47—52].

Господу Богу и за упокой в бозе почивших сродников Ваших и о всех православных христианах. Вся наша о Христе братия и паки просим Вас боголюбивейший Иван Иванович, соблаговолите подать святую милостыню нам убогим, что дух святой возвестит, христолюбивой душе вашей.

А за Вашу любовь и милосердие к нашей убогой обители всещедрый Господь Бог подаст Вам душевного спасения и телесного здравия и скорого и щастливо-го успеха в делах ваших. А по переселению Вас в безконечный мир да сотворит Вас наследники небесного царствия вкупе с родителями Вашими и со всеми святыми и прочие. Вручаем себе покровительству Божию и Вашему милосердию. Присные о Вас молитвенники и ходатаи спасения вашего, игумен Галактион Степанов с братею. 1900 года марта 13 дня». Заверено круглой печатью монастыря с изображением обители и надписью по внешнему кругу «Петропавловский монастырь при Чёрном море». Ниже: «Адрес. В Бессарабскую губернию в Посад Вилков Акиму Феоктистовичу Ершову с передачею в Петропавловский монастырь игумену Галактиону Степанову» [Там же, л. 130—131 об.].

История этого монастыря изучена недостаточно, и, возможно, в ней были и более благоприятные периоды. Так, И. Ф. Кучерявенко приводит следующие сведения: «Сравнивая отчёты монастырей Кишинёвской епархии 1839 и 1876 годов, нетрудно заметить качественные перемены к лучшему в бессарабских старообрядческих монастырях. Из рапорта настоятеля одного из них — Петропавловского мужского монастыря — за 1876 год видно, что это — активно действующая, материально крепкая, хорошо отстроенная обитель. В религиозно-церковном отношении этот монастырь обладал большим авторитетом среди верующих, и богослужения в нём (в отличие от многих церквей) проводились каждый день» [Кучерявенко 2004].

Вышеописанная отрадная картина материальной жизни монастыря противоречит данным общины Рогожского кладбища, где в 1889 г. были утверждены Правила благотворительной кассы при старообрядческом Московском

шествования беднейшим обществам и монастырям [РГБ, к. 174, д. 2, л. 463] и был составлен «Именной список лиц и монастырей, коим назначено МДС вспомоществование», согласно которому с 1877 по 1893 г. Петропавловскому монастырю была утверждена постоянная помощь в размере 50 руб. Заграничным монастырям выделялось более значительное обеспечение, так Белокрыницким женскому и мужскому монастырям — по 600 руб. [Там же, к. 174, д. 2, л. 333 об., 376]. Знаменитый исторический центр Белокрыницкой иерархии неоднократно получал милостыню и от отдельных жертвователей, в том числе от архиепископа Антония (Шутова) поступило в 1868 г. 25 руб. серебром, принятые «инокиней Аркадией с сёстрами и инокиней Иринархой, казначикой» [Там же, л. 334 об.]. К 1898 г. Белокрыницкие монастыри находились в весьма бедственном положении, о чем писал И. И. Шебаеву Петр Сидорович Расторгуев⁴, ездивший из Вены вместе с женой Анной Алексеевной помолиться в митрополию: «Храмы божии в мужском монастыре и братия произвели тяжёлое впечатление. Летний храм, в котором служат до 1 сентября, выстроен, как видно, хорошо, но к стыду наших старообрядцев, в особенности богатых, по содержанию очень беден (подчеркнуто автором письма. — Е. А.). В великороссийском храме, самом бедном, лучше, чем в этом храме. Давно бы нам следовало обращать на это внимание. Братии мало, да и то все старики, которым нужна богадельня. Кельи тоже очень бедные. Вот в женском монастыре другое дело, там гораздо чище, хотя тоже без роскоши. Содержание в монастыре, как видно, самое скудное, хотя сами они этого не говорят. А вот мы все духовные утешения получаем из Митрополии, поэтому нам не следовало бы её оставлять, а нужно поддерживать. Местные жители там люди очень бедные, и на них рассчитывать никак нельзя. Они с трудом и то никак не могут собрать ста рублей на наем учителя для сельской школы. Об этом нам тоже следовало подумать. А

⁴ Расторгуев П. С. (1846—1915), московский купец 2-й гильдии, попечитель Рогожского кладбища, о нем см.: [Юхименко 2005, 58, 70, 74, 93, 116, 164].

то у нас некоторые не знают, куда свои капиталы девать, вот им то следовало бы помочь в Митрополию побольше <...>» [РГБ, к. 174, д. 2, л. 132 об. — 133 об.].

Начало XX в. открыло новые возможности для благотворительной деятельности. В Москве при МСРОК было учреждено Благотворительное общество, размещавшееся в квартире епископа Александра (Богатенкова) в доме № 6 по Николо-Ямскому тупику⁵.

27 июня 1909 г. владыкой Александром было разослано два важных послания, ознаменовавших начало нового этапа в жизни МСОРК. Первое из них было обращено к молодым людям из разных мест необъятной России: *«Благотворительное старообрядческое Общество совместно с Союзом старообрядческих начётчиков открывает в Москве курсы для подготовки лиц на звание народного учителя. Курсы открываются с 1 июня и продолжатся до 1 декабря 1909 г. С получением сего общество просит известить о вашем согласии немедленно»*. Далее объяснялось, какие документы необходимо представить для поступ-

ления, и было их немало, требования были очень высоки: «1) вид на жительство, 2) свидетельство о благонаравии от местного старообрядческого священника и попечителей, 3) свидетельство об окончании учебного заведения (если таковое окончено), 4) свидетельство о благонадёжности и 5) метрику или заменяющее его удостоверение от приходского старообрядческого священника». Общество брало на себя оплату преподавания и учебных пособий. Ученикам надо было самим платить за квартиру и стол, что составляло на тот момент около 10 руб. в месяц. В заключении письма помещалась просьба по всем вопросам обращаться к председателю Благотворительного общества епископу Александру [РГБ, к. 208, д. 6, л. 116].

Другое письмо направлялось священноиереям. В нем отмечалось, что для открывающихся в Москве курсов для подготовки учителей в старообрядческие начальные школы обществу необходимо иметь верные сведения о желающих на них поступить: *«об их нравственности и поведении, дабы будущие учителя выходили из училищ нравственными христианами и добрыми гражданами. Этим сообщением вы облегчите нелёгкую задачу, принятую на себя обществом, приготовить учителей не только способных, но и нравственных и благонадёжных»* [Там же, л. 93].

Процесс набора слушателей был простым. Весьма редкими были письма, где изъявлялось немедленное желание быть зачисленным на курсы, как например, послание от Ивана Николаевича Цепова, написанное на бланке Барановской ткацкой фабрики «Товарищества мануфактур Тимофея Кацепова сыновей»⁶, в котором он просил,

⁵ Епископ Александр (Алексей Прокофьевич Богатенков, 1853 — 20 декабря 1927 г. ст. стилия). Владыка был почетным членом старообрядческой общины Рогожского кладбища, наряду с архиепископом Московским Иоанном и Ф. Е. Морозовой, почетным членом Попечительного совета при училищах Рогожского кладбища, членом Комиссии по сохранению древностей и редкостей храмов и Книгохранилищу. В круг его деятельности в разное время входит подготовка воззваний и иных документов, работа в Государственной думе, открытие старообрядческой типографии, создание начального, а в дальнейшем и более высокой ступени образования, организация в годы первой мировой войны Комиссии по ходатайствам, в которой он был руководителем и занимался решением вопросов, касающихся положения старообрядческого священства на фронте. В годы гражданской войны замещал архиепископа Московского и всея Руси Мелетия. Все годы он неустанно следил за состоянием и развитием старообрядческого пения и канонического порядка. Постоянной его заботой было попечение и поддержка малоимущих священников и малочисленных приходов. В отчете о работе Благотворительного общества за 1909 г. отмечалось, что среди крупных жертвователей на дело благотворительности стоит отметить еп. Александра [Церковь 1910]. О нем см.: [Агеева 2005, 224—227].

⁶ Кацепов Никита Тимофеевич (1865—1913), потомственный старообрядец, последователь Белокрыницкого согласия, коломенский купец 1-й гильдии, унаследовал основанные в 1835 г. отцом Тимофеем Ивановичем (ум. 1901 г.) красильные заведения в селах Лопатино и Федотово, а также бумаготкацкую фабрику в д. Барановской Коломенского (ныне Воскресенского) р-на Московской губ., со временем совместно с братом Петром объединил эти предприятия в «Товарищество Тимофея Кацепова сыновей», которое имело отделения во многих городах России вплоть до Владивостока, а

в связи с невозможностью до августа получить документы из Коммерческого училища, подождать прибытия на курсы его сына, ученика 4 класса, Епифания, а также разместить его в общежитии общины Рогожского кладбища «совместно со взрослыми людьми — курсантами» [РГБ, к. 208, д. 6, л. 98—98 об.]. Сразу принял решение учиться на курсах и уставщик Фёдор Зотов Никулин с хутора Логовского близ станции Ляпичево Юго-Восточной железной дороги, хотя не имел свидетельства об образовании, так как «нигде не учился, кроме как у себя дома», а также, видимо, имел большие трудности со здоровьем: «а что Вы подписали внизу грамоты, что рук нет? И нужен уход? Это потребуеться весьма мало. Это мы поступим с этим, только нужно будет помощь для смены белья. Прошу Вас владыка святой, напишите мне приблизительно, что потребуеться иметь при себе, так что в Москве не бывал никогда» [Там же, л. 114—114 об.].

Но в большинстве своем многочисленные письма отражали серьезную проблему — бедность, материальная необеспеченность потенциальных слушателей курсов, от всей души желавших учиться, не давала им возможности содержать себя в Москве, к тому же у некоторых на попечении были семьи. Семён Егорович Ермилов из Полотняного Завода писал: «просмотрев Вашу программу, я заключил, что поступить на учительские курсы для меня предсто-

также вело обширную торговлю с Персией. В подмосковных селах содержал школы для детей. Построил несколько старообрядческих церквей, среди которых убранством славился храм в с. Лопатине. Пожертвовал средства на строительство храма Воскресения Христова РПЦ в с. Воскресенском (ныне г. Воскресенск). Кацепов был известен также своей благотворительностью в пользу Рогожского кладбища. Деятельное участие принимал в церковно-общественной жизни Белокрыницкого согласия. Под председательством Кацепова 1—2 июня 1906 г. в Москве был созван I Всероссийский съезд старообрядцев Белокрыницкой иерархии, не признающих Окружное послание, преодолевший более чем 40-летний раздел братии. Общественный член-учредитель Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища [РГБ, к. 61, л. 3—4; к. 95, л. 2—10; А. М. 1898, 684; Старообрядчество 1996, 136—137; Стадников 1999, 355].

ит большое затруднение. Так, что я не в состоянии заплатить за стол и квартиру. Мне нет возможности без посторонней помощи существовать на курсах. Так, что, находясь в низком положении, я стремлюсь встать в ряды светочей народных, но нет сил и возможностей достигнуть. Прошу Вас и Ваше общество, пожалуйста простите, что я вас побеспокоил, но я не нахожу себя во многом виновным, потому что какое Провидение сверхъестественное побуждает на этот подвиг. Прошу выключить меня из каталога и мое заявление, и имейте меня отречена. За тем простите Христа ради, Ваше преосвященство. Желаю Вам от всего сердца, чтоб Ваше великое дело шло удачно и приняло намеченную форму. Это вы великое совершите дело, поднимите всё пластом лежавшее до сего время старообрядчество, которое и понятие не имело об этом, но прочим будет это всё примером, это дело заслуживает великого внимания» [Там же, л. 106—108]. Крестьянин д. Афонасково Гжатского у. Будаевской волости Иван Андреев просил также зачислить его на курсы, но прилагал прошение, в котором писал: «Нельзя не поблагодарить общества, как Благотворительное, так и Союз начётчиков, за их благотворительность, какой они сократили страждущих знания. Но, к сожалению, мы жаждающие знания, в такую трудную годину голодовки не в состоянии иметь и последнее, как наём квартиры и стола. Первым из многих являюсь я». Андреев «с надеждой» просил общество взять на себя расходы по оплате квартиры и стола, «зная, что оно многое от сего сделало, а малое сделает» [Там же, л. 111—113]. Но учиться ему не пришлось, на письме помета епископа Александра: «Мест более нет, принять некуда» [Там же, л. 113 об.].

Более удачно сложилась судьба автора письма из посада Вилково Каллистрата Изотова: «13 мая 1909 г. Его превосходительству Епископу Александру прошение. Владыка Святой, сегодня я получил Ваше приглашение быть на курсах учителей. Очень я Вам, Владыка Святой, благодарен за это приглашение. И очень бы желал быть на курсах, только содержать себя, если управа здешняя Вилковская не одолжит, не могу. Я, Владыка, простой рыбак и только тогда

могу существовать, когда работаю. А когда я переставал, хотя и зимой работать, начинал заниматься, то этим своё хозяйство сильно подрывал; так как я старший и у отца большое семейство, то следовательно, от меня требуется много работать. По окончании Вилковского 3-х классного училища я чувствовал сильное призвание учиться, но средств не было и я начал рыбальить. В свободное от занятий время я готовился на начального учителя и хотел держать экзамен при Вилковском городском училище, но тут, благодаря проскам местного попа, отказали. В другое место ехать не было средств, и я так остался. Теперь же мне выйти из этого положения, только то средство, что быть на московских курсах учителей.

Владыко святой, войдите в моё положение и удовлетворите мою просьбу, т. е. примите меня на курсы на всё содержание, т. е. чтобы Братство платило за стол и за квартиру.

Буду за Вас, Владыко Святой, вечно молить всемилостивого Бога. По выдержании экзамена я обязуюсь уплатить все, что на меня издержите.

О моём принятии или непринятии на курсы на таких условиях прошу уведомить меня по адресу п. Вилково Бессарабской губ. Каллистрату Изотову. О моей личности и о моих условиях жизни в Вилкове спросите у Ивана Васильевича Галкина, бывшего нашего учителя. Прошу Вашего святительского прощения и благословения. Каллистрат Изотов» [Там же, л. 109—109 об.].

В дальнейшем у 19-и учеников учительских курсов, размещенных в общезжитии на Рогожском кладбище, возникли трудности с внесением платы за довольствие, преодоленные благодаря участию благотворителей. И. П. Трегубов⁷ обратился в Совет Благотворительного общества о внесении необходимой суммы. Отмечалось, что за Александра Устинова вносит плату архиепископ Иоанн, а за Ивана Гаврилова — епископ Александр [РГБ, к. 208, д. 6, л. 100]. В приложенном списке с пометками владыки из уже известных нам претендентов на учебу на курсах мы находим

⁷ Трегубов Иван Петрович (1874—1938) — попечитель и член совета МСОРК. О нем см.: [Анисимова].

только одного Каллистрата Изотова из Вилкова [Там же, л. 103]. Владыка Александр принял в его судьбе деятельное участие. В послании, обращенном к Фёдору Евфимовичу [Мельникову], он писал: «Помогите, елико возможно, сему г. Изотову сдать экзамен на учителя к 1-му сентября. Я за 30 руб. ручаюсь, что найду в уплату за его подготовку. Они с господином Галкиным говорят, что за эту сумму можно подготовиться. По возвращении из отпуска я уплачу». Ниже расписка Галкина: «на содержание К. Изотова от владыки Александра получил 30 руб.» [Там же, л. 97]. Процесс становления курсов был трудным во многом, очевидно, из-за недостатка средств и слабой подготовки учеников, несмотря на их горячее желание учиться. Судьба этого нового дела вызывала сомнения, о чем пишет и епископ Иннокентий в письме из Нижнего Новгорода 14 ноября 1909 г.: «На заседании старообрядческого благотворительного общества, имеющее быть 15 сего месяца, прибыть не могу. Но как член этого общества, считаю долгом высказать некоторые свои соображения. В числе вопросов, которые должны решаться на предстоящем собрании, между прочим, поставлен вопрос о продолжении курсов учителей. Как я слышал, многие хотят решить этот вопрос в отрицательном смысле. А другие хотят настаивать на продолжении означенных курсов. Но мне кажется, лучше всего в следующий раз открыть курсы не для учителей, а для учительниц. Они обыкновенно бывают, скромны и нравственней учителей. Я не настаиваю на этом, а только предлагаю на обсуждение сего собрания. И как оно решит, я “не противлюся, ни вопреки глаголю”. При сем прилагаю прошение одной уставщицы Евфросинии Мишаевой. Если найдёте нужным и возможным, удовлетворите его» [Там же, л. 99—99 об.].

Издавна сложившиеся в среде древлеправославных христиан традиции благотворительности и взаимопомощи и настойчивое стремление сохранить исконные ценности старообрядческого сообщества постепенно могли бы изменить социокультурную ситуацию, но этому не способствовали исторические события, перечеркнувшие в дальнейшем все усилия. Фома Савин от лица

старообрядцев, собравшихся в г. Килие Бессарабской губернии, писал 6 июня 1917 г. архиепископу Мелетию в Москву на Рогожское кладбище: «В первых строках припадаю к стопам ног Ваших и прошу прощения и Ваших святых молитв. Владыко святой! Мы живём в богоспасаемом городе Килие на берегу Дуная, уже 3-й год находящийся в сфере военных действий. Из 20 и больше сёл в Добрудже, ныне оккупированных неприятелем, находятся здесь бедные беженцы старообрядцы, оборванные до наготы, также наши местные жители из ближайших селений, около 10 семей жители за время войны оборвались. По необходимости мы собрались и <основали> кооператив по мануфактурной части, поэтому осмеливаемся просить Вас, Святой владыка, у знакомых Вам фабрикантов, чтобы приготовили для нашего кооператива товары разных мануфактурных изделий на 50000 руб. В ближайшем будущем приедем туда за товарами за наличный расчёт. Просим, чтобы наш глас не остался гласом вопиющего в пустыне. Доверенный старообрядцев Фома Савин. Не откажите в любезности ответить полный адрес фирмы Рябушинских, имя, отчество обоих братьев. Мой адрес: Фоме Харитонову Савину, г. Килия, Бессарабия» [РГБ, к. 186, д. 5, л. 16—16 об.]. Резолюция на письме была краткой: «Отвечать не нужно» [Там же, л. 32]. Московское общество в это время могло оказать более чем скромную поддержку самым нуждающимся приходам и было не в силах выполнить эту просьбу. В сентябре 1917 г. епископ Александр от имени Московского епархиального совета в последний раз разослал по многим адресам по всей России небольшую материальную помощь на поминавание по Синодикам беднейшим старообрядческим священникам, в связи с чем получил в октябре — ноябре 46 ответов с благодарностью и рассказами о трудностях [Там же, к. 215, д. 59]. Иерей Андрей Овсянов наиболее ярко передал свое восприятие переживаемого момента: «Милостивые благодетели и благодетели, попечители св. Храма! Честь имею я вас уведомить, что я получил вашу жертву 30 руб., за что я сердечно вас благодарю, и за ваше внимание, спаси

вас Христос. Прошу я Господа Бога чрез святой жертвенник о помиловании вас и в страшное второе пришествие Христа избавил бы вас и ваших родителей и всех ваших сродников муки вечныя. Получая я вашу жертву, радуюсь вкупе и трепещу. Радуюсь тому, что ещё любовь у вас к ближнему ещё не угасла, а пламенно горит, и я думаю должно быть, согревает сердце благодатным огнём священного писания, где сказано: «Милость и истина придет пред лицом твоим и блаженны милостивыи, яко тии ко милостыни будут дающие, нежели приемлющие». Вот во священном писании благодать дающих, а не приемлющих, а в настоящее время я нахожусь в приемлющих, и это самое ложится тяжело на душе моей я бы сам по себе и желал бы этого, но такие обстоятельства складываются, невыносимо тяжёлые. При такой дороговизне, если я получу на содержание себе 40 руб. в месяц да от проскомидии 2 руб., а заказных обеден в 8 мес. ни одной не бывало, и выходит всего в месяц 42 руб., и притом и я не один, а хоть невелико уж семейство. Вот и взойдите в моё положение, могу ли я прожить, не приняв жертвы на таком доходе. Виноват я перед вами, милостивые благодетели — церковные попечители, что я много вам написал. Вы, наверно, без моего писания не соскучились, по народной пословице «у кого что болит, тот о том и говорит». За всё это прошу я вашего прощения, простите меня Христа ради» [Там же, л. 3—4]. Год спустя окончательно и на долгие годы завершилась и другая благотворительная программа. Объявление извещало родителей учащихсЯ начальной школы Общины Рогожского кладбища, что «в виду полного истощения средств на содержание школы Совет МСОРК в заседании своем 23 августа нов. ст. 1918 г. постановил начальную школу в текущем 1918/1919 учебном году не открывать» [Там же, к. 16, д. 5, л. 17]. Одновременно сообщалось, что объединенными усилиями Рогожской и Преображенской общины предпринимаются попытки вести переговоры с Комиссариатом просвещения о возможности преподавания Закона Божьего и получения на дело образования старообрядцев помощи со стороны государства, «хотя бы

путём возмещения убытков по аннулированию капиталов наших школ» [Там же].

Так, традиционная благотворительность, имея глубокие православные корни, выступала сплечающим началом для всего старообрядческого мира. Особую роль играл знаменитый центр — Рогожское кладбище, — который не оставлял без внимания ни одну из единоверных общин, в том числе в Бессарабии и Придунавье, на долю которых выпали и особые испытания пограничья.

Литература

А. М. 1898 — А. М., священник. Освящение храма Воскресения Христова // Московские церковные ведомости. 1898. № 50. С. 684.

Агеева 2005 — Агеева Е. А. «Муж кроткий и мудрый, всегда готовый явиться на всякий труд, требующий разума светлого...» — несколько штрихов к биографии епископа Александра (Богатенкова) // Старообрядчество. История — культура — современность. М., 2005. С. 224—227.

Анисимова — Анисимова В. Н. Иван Петрович Трегубов // <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/63-1-0-1206> (Портал «Самарское староверие»).

Кучерявенко 2004 — Кучерявенко И. Ф. История возникновения старообрядческих поселений в Придунавье. Труды конференции «Старообрядчество Украины и России: прошлое и настоящее». 1—3 октября 2004 г. // <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/45-1-0-770> (Портал «Самарское староверие»).

Стадников 1999 — Стадников А. В. Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX — начало XX в.) // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 355.

Старообрядчество 1996 — Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / сост. С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. М., 1996.

Церковь 1908 — И. И. Шебаев [Некролог] // Церковь. 1908. № 20. С. 714—716.

Церковь 1910 — Общее собрание старообрядческого благотворительного общества в Москве // Церковь. 1910. № 14. С. 369—372.

Юхименко 2005 — Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. М., 2005.

Список сокращений

РГБ — Российская государственная библиотека, Отдел рукописей, фонд 246. Архив Рогожского кладбища.

Д. Е. РАСКОВ
(Санкт-Петербург)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО С. ПОКРОВКА: К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ К РЫНКУ СТАРООБРЯДЦЕВ БЕССАРАБИИ

Стремительное обеднение и вымирание села стало распространенным и тотальным явлением на постсоветском пространстве в новую рыночную эпоху. Преобразование совхозов, разрыв установившихся хозяйственных связей, установление новых границ, необходимость конкурировать с импортной продукцией, снижение дотаций — все это стало причиной деградации села. В то же время именно сельские жители являются носителями и едва ли не единственно возможными хранителями религиозных традиций. Поэтому тем больший интерес как для социологов, так и для экономистов представляет возможное сочетание консерватизма в культуре с новаторством и предприимчивостью в хозяйственной сфере [Лылова 2003; Расков 1999].

Данная статья написана на материалах полевой работы, проведенной в августе 2008 г. в старообрядческих селах Покровка и Кунича (Молдова)¹. Основной акцент в публикации делается на том, чтобы представить социально-экономическую картину развития села, показать, каким образом хозяйственный подъем понимают и объясняют сами жители с. Покровка. Для интерпретации уникальных экономических успехов, сочетания традиционной культуры и хозяйственных новаций в с. Покровка полезно провести его сравнение с другими старообрядческими селами Бессарабии, хозяйственная адаптация которых не была столь успешной (такими как Кунича и Муравлевка²).

Предварительные результаты изучения современной экономической жизни

¹ Выражаю благодарность Н. Г. Денисову, без помощи и рекомендаций которого данная экспедиция не могла бы состояться.

² Одесская обл., Республика Украина.